

Из рукописей М. Н. Ермоловой

В письме к своему биографу Н. Е. Эфросу, готовившему два очерка об Ермоловой, по поводу ее 50-летнего юбилея, великая артистка, отвечая на его просьбы о новом материале, писала:

«Не знаю, что мне делать и где искать что-нибудь для вас интересного. Все перебрала, все сожжено, что имело хоть какой-нибудь интерес. В дневнике остались только школьные глупости, которых никому не покажу, остались два-три письма совершенно ничтожных».

М. Н. Ермолова, отличаясь великой скромностью, сделала все, от нее зависящее, чтобы остаться пред лицом потомства только с одним трудом ее жизни, с ее великим искусством, — и без всякого автобиографического или биографического комментария к нему.

Однако, благодаря счастливой случайности, не все оказалось сожжено ею из ее переписки и из ее автобиографических записей.

Здесь впервые печатаются уцелевшие странички из ее записок и отрывок из письма к будущему ее мужу — адвокату Н. П. Шубинскому (1854—1920).

Отрывок из школьного дневника Ермоловой относится к 1869 году. Он переносит нас в уныло казенную атмосферу театрального училища, где с 1862 года томилась будущая великая трагическая артистка, из которой упорно и жестоко хотели сделать третьестепенную балетную танцовщицу. Как раз в этом самом 1869 году И. В. Самарин, признанный авторитет в драматическом искусстве, заявил сфелеру Ермолову, просившему его позаняться с дочерью:

— И заниматься не стоит! Никакого проку не будет. Разве это актриса? Пусть себе пляшет «у воды» (т. е. на самом заднем плане, в последних рядах кордебалета).

Не прошло и года, как Ермолова блестяще опровергнула жестокий приговор Самарина.

30 января 1870 года должен был состояться бенефис Н. М. Медведовой. Незадолго до спектакля заболела Г. Н. Федотова, которой предстояло играть роль Эмилии, и бенефициантка, чтобы спасти свой бенефис, решилась отдать труднейшую роль Эмилии «воспитаннице Ермоловой», которой не было еще 17 лет.

Уцелевшая страничка из записок Ермоловой драгоценна: она с удивительной простотой и силой рассказывает об этом событии ее жизни, ставшем событием и в истории русского театра.

Письмо Ермоловой к Н. П. Шубинскому писано ею 6 мая 1876 года. Комедия Шек-

спира «Укрощение строптивой» была представлена 5 мая с Г. Н. Федотовой в роли Катарини и с А. П. Ленским в роли Петруччо. Пять лет назад, в 1871 году, Ермолова выступила в этой комедии в роли Вианки. Роль Катарини ей не пришлось играть никогда. Суждение молодой Ермоловой о правильном исполнении роли Катарини замечательно: оно идет вразрез с общепринятой театральной традицией. Ермолова освобождает образ Катарини от мнимого «облагораживания» и возвращает его к здоровому сочному реализму Шекспира. Своим толкованием Катарини Ермолова сознательно бросает вызов «любителям изящного» и лишней раз доказывает, какой замечательной артисткой для Шекспира обладал русский театр в лице Ермоловой, имевшей в своем репертуаре шестнадцать шекспировских ролей.

С. Д.

В ТЕАТРАЛЬНОМ УЧИЛИЩЕ. 1869 г.

I.

Нет ничего хуже, как писать сочинение по приказу, да еще к экзамену; знала, что это сочинение предстанет на суд многих лиц, а не одного учителя. Ну что писать? Описывать природу? Надоело! Школьные сцены... тоже избито!..

II.

Дождь перестал... О, поскорей бы, поскорей бы на волю! Нет, нет, хороша, хороша новая жизнь, она никогда, никогда не будет, не может быть скучна, пока я молода!.. Ах, какая чудная погода! Скоро все распустится, зазеленеет... и пришла мне в голову нелепая мысль о смерти!.. Это все дождь сделал, навел на меня такое ужасное впечатление... Из противоположного окна отворилась форточка, и высунулась голова одной воспитанницы с сияющим лицом. Какова погода! Господи, скоро ли дождь? Просто смерть, как гулять хочется, а тут извольте к экзамену готовиться!.. Тут она выставила из окна свою руку для того, чтоб на нее падали капли дождя с крыши: «Ах, Маша, если бы ты знала, какая теплая вода... пойдем проситься в сад!» — «Да разве теперь пустят, что с тобой!» — «Мы калоши наденем». — «Все равно, нельзя». Вдруг раздался звонок. Ах, я забыла, что у нас сегодня география, я ведь еще не повторяла. С этими словами она соскочила с окна. К нам в класс входит учитель географии?.. «Ах, какое наказа-

¹ Учителем словесности был А. Л. Данилов.

² В. Н. Новиков — С. Д.

ние, уж вы В. Н. никогда не можете класса пропустить!... «Болен будет и то придет!» — говорит другая воспитанница. Начинается урок географии, учитель вызывает ученицу. А на первой лавке две воспитанницы ведут следующий разговор: «Ты все приговорила?» — «Какое все! еще только к багрянке»... «Как врешь! я сама видела, что ты вчера историю зубрила»... «Зубрила! во-первых, это ты можешь зубрить, а я не зубрю»... Она не зубрит! Слышите, ведь такое ха, ха, ха». «Г-жа М., тише-с!» говорит учитель географии. — «Аннета, тебе какое платье делают к вакации?» «Два — одно багряное, другое ситцевое. Ситец, прелесть какой, я сама на дешевых товарах покупала». «Сколько за аршин?» — «22 копейки. Голубенькая полоска, беленькая полоска, узенькие, узенькие. Прелесть какой хорошенький».

На второй лавке одна воспитанница рассказывает сон, четыре ее слушают. — «Вдруг вижу я, что в лесу, только лес этот будто в комнате и все амеи, змеи громадные»... «Г-жа С. — обращается учитель к той, которая рассказывала сон, — расскажите мне Южную Америку». — «Иваните, В. Н., я не готовила». «Отчего-с?» — «У меня зубы болят», — она спокойно садится на лавку и продолжает рассказывать сон; учитель незаметно вслушивается в ее рассказ: «Как же это вы говорите-с, что у вас зубы болят, а сами сны рассказываете?» «Ох, заныл, заныл!» вдруг вскрикивает воспитанница, держась за щеку. Раздается общий хохот. «Тише-с, тише-с!» Входит начальница и все смолкает.

ДЕБЮТ В МАЛОМ ТЕАТРЕ. 1870 г.

«Кареты в Малый!» Отрывистым басом прокричал швейцар. Сердце во мне так и упало, дрожь и спотыкаясь, я побежала одеваться. Это было 30 января 1870 г. Мой первый дебют в трагедии «Эмилия Галотти». С детских лет я постоянно грезила и мечтала о театре; да и как мне было не мечтать о нем, когда я с трех лет уже сидела в суфлерской будке с своим отцом. Дома моя любимая игра была «в театр». Завтраясь где-нибудь в комнате, я бросалась на колени, напоминала слова, говоренные на сцене, ломала руки и притворно плакала. Водевелем я никогда не увлекалась, это было не в моем духе, я любила драмы и притом самые чувствительные. Я хотя и очень горевала в школе, учась танцевать, но никогда меня не покидала мысль, что когда-нибудь я буду актрисой, даже и тогда, когда нам положительно запретили об этом думать. И вот через несколько лет исполняется моя заветная, любимая мечта. Первой мой дебют был просто случаем; я

играла по болезни первой артистки. Нечего говорить, как я боялась, репетируя эту трудную роль. Прежде этого я часто воображала себя, как я в первый раз выйду без робости на сцену и как с триумфом кончу свою роль. Когда же это сделалось действительностью, вся уверенность меня оставила: боже! думала я, я не перенесу, если меня не вызовут ни разу! если я провалюсь! Перед выходом я молилась, робела и плакала... Нет! никогда в жизни не забуду этой страшной и вместе радостной, блаженной минуты... Я слышу, Самарин кончает последние слова... вот уж он уходит... еще несколько слов... и я на сцене... аплодисменты на минуту остановили меня, я не видела публики... я видела только мельком какое-то пестрое пятно... я почувствовала вдруг, что я не робкая девочка, а актриса... Первая сцена прошла, я ужо и слышу громкие аплодисменты и вызовы... дрожь, но уже не от робости, а от счастья, я вышла раскланяться с публикой... мне единодушно хлопал; убежавши за кулисы, я зарыдала. Меня поздравляли, целовали. О, как я была счастлива в эту минуту!.. Конец моей роли прошел так же, как и начало... Молитва моя была услышана, заветная мечта исполнилась... Я актриса!

ОБ «УКРОЩЕНИИ СТРОПТИВОЙ»

Вчера я была в театре и видела «Укрощение строптивой». Федотова играет хорошо, только слишком изящна и мило капризна для такой «бешеной девки». Знаете ли, какая мысль приходит мне в голову по поводу роли Катарини? Если бы только умела, я бы непременно написала бы об этом. Мне кажется, что у нас в театре и в критике Гервинуса³ существует совершенно ложный взгляд на Катарину. Дело в том, что и Гервинус и Федотова и наш режиссер Богданов⁴ — изображают Катарину милым капризным ребенком, задорным и острым существом... Я не помню хорошо статьи Гервинуса, но хорошо помню смысл ее. По его мнению, Катарина не есть та бешеная сварливая девка, о которой кричит вся Падуя, от которой, как от чумы, бегут прочь женихи... По его мнению, она только капризное, неустановившееся существо... Спрашивается — что же за странные капризы были у этой девушки, что прославили ее на весь город? Очевидно это были не капризы, а строптивость, злость, которые близко не подпускали к себе людей. Для того, чтобы унять капризного ребенка, давно бы нашлось 20 Петруччо, которым бы все не понадобилось прибегать к таким средствам, как прибегал Петруччо для усмирения ее. Петруччо является человеком с запасом громадной и физической и нравственной силы и с железной волей и с упрямым характером — и неужели же все это требуется для того, чтобы сломить ка-

³ Знаменитый шекспиролог. — С. Д.

⁴ А. Ф. Богданов. — С. Д.

М. Н. Ермолова в годы пребывания в балетной школе Большого театра.

призы упрямой девчонки! Нет, по моему мнению, такая громадная сила нужна на то, чтобы сломить тоже силу большую, а не капризы! Будь Катарина только капризной девочкой, она бы, залуганная им, сразу перестала бы спорить с ним, и если она не так глупа, она сейчас же увидела бы, что капризы тут ничего не помогут и скоро бы подчинилась ему. Но чтобы сломить силу Катарини, нужно было прибегнуть к попытке к попытке, чтоб смирить ее, отнять у нее со всех сторон средство для защиты. Только истощенная физически и измученная нравственно, она покоряется ему и покоряется ему — она любит его, потому что видит в нем силу, превосшедшую ее во всех отношениях. Подчиняясь ему, она подчиняется силе в лице этого человека. Она любит в нем эту силу, которая обновляет ее, потому что не было до сих пор человека, который бы заставил ее задуматься. Люди, окружающие Катарину, слишком мелки. Находя их равными себе, она позволяет себе с ними всякие дикие выходы только потому, что они или подчиняются ей, или бегут от нее. И вдруг, она встречает человека, который не бежит от нее и не подчиняется ей, а ломает ее, надтрив. Она уступает силе, любовь переделывает ее окончательно. Я не знаю, может быть я и ошибаюсь, но если бы мне пришлось ее играть, я бы играла ее таким образом, и тем, разумеется, раздражила бы любителей изящного...